

ГЛАВА II. Бонапартистская идеология

Наполеон I, будучи главой государства, делал все, чтобы выглядеть избранником народа. В своих публичных заявлениях император гордо заявлял, что обязан своей властью только воле французского народа. Одержав победу в Битве у пирамид, которая ознаменовала собой зенит его славы, он потребовал присудить ему титул, до этого присуждаемый только членам законодательных органов: *premier representant du peuple*[315]. Он занимал свою должность благодаря плебисцитарному народному решению и был уверен, что его власть покоится на воле масс[316]. Одобренная народом единоличная диктатура – бонапартистская интерпретация народного суверенитета [317].

В еще большей степени на представлениях о народном суверенитете основывался цезаризм Наполеона III. В письменном обращении к Национальной ассамблее от 24 мая 1848 года претендент на престол одобрил установление Французской республики, утвержденной в результате февральской революции путем всеобщего открытого голосования. И потребовал от свергнутого короля Луи Филиппа постфактум предоставить ему право на инсurreкцию и право на престол. Эти одобрение и требование были в его глазах логичными последствиями одного и того же принципа. «Ввиду короля, избранного двумястами депутатами, я мог вспомнить, что я наследник империи, основанной согласием четырех миллионов французов. Ввиду верховной власти народа я не могу и требовать ничего иного, как только своих прав французского гражданина...»[318] – звучало гордо и в то же время смиренно. Наполеон III не только признавал независимость народа, но и во время своего правления руководствовался исключительно ею. Он стал популярен в революционной Франции, когда заявил, что он исполнитель воли масс, выраженной в форме избирательного процесса, вне зависимости от того, в чем она заключается[319]. Он виртуозно называл себя инструментом, творением масс. Будучи президентом, в одной из своих речей он заявил, что готов на *abnegation* и *perseverance*, другими словами, как остаться, так и уйти [320]. Дух бонапартизма выразил Хранитель печатей Оливье на одном из заседаний палаты бушующим летом 1870 года: «Мы принадлежим Тебе, Ты отвергнешь нас, когда захочешь, и мы всегда будем рядом, чтобы подчиниться Твоим упрекам и порицанию»[321].

Бонапартизм признает неорганичность воли народа, в том числе ее право на саморазрушение. Народная воля распространяется так широко, что сама может упразднить народную волю. Поэтому демократы наполеоновской эпохи исходили из догмы, что народный суверенитет – это, с одной стороны, непреложное право, но с другой – с точки зрения народных движений несправедливое и нелогичное явление: отцы потеряли моральное право пригрозить сыновьям отречением. Поэтому демократы со всей энергичностью высказывались за то, что необходимо законодательно ограничить потенциал народовластия и принять запрет на добровольное отречение от престола [322].

Бонапартизм – теория власти единоличного правителя, избранного народной волей, но отошедшего от нее. Его демократический путь к власти в прошлом защищает его от антидемократического настоящего [323]. Благодаря ему цезаризм становится полноправным органом народовластия. «Он – воплощение демократии, человек, созданный своим народом»[324].

Это синтез демократии и автократии[325]. Выпрыгнувший из избирательной урны избранный кандидат не терпит никаких возражений. Он воплощает волю большинства, поэтому любое возражение ему оппозиционно. Демократический лидер, безошибочно «избранный шестью миллионами голосов, исполняет волю народа и не может ее предать». Противники правительства – по причине народной независимости – должны быть уничтожены, так как избранный кандидат может полноправно утверждать, что он воплощает волю народа [326]. Таким образом, избиратели сами требуют от своего кандидата строгости, применения насилия и централизации власти [327]. Теория, согласно которой в централизованной власти явлена воля народа, приводит к выводу, что именно штат чиновников находится в жесткой зависимости от центральной власти, а та, в свою очередь, зависит от воли народа[328]. Свобода передвижения и свобода мнения бюрократии угрожают народному суверенитету. Показательно, что верхушка власти основывается исключительно на прямой воле масс. Бонапартизм не предполагает полутонов. Государственный переворот 2 декабря 1851 года изображается как освобождение народа из-под гнета парламента, его логичное следствие – плебисцит. Виктор Гюго сравнил отношения между парламентариями и министрами во времена правления Наполеона III с отношениями между господином и его слугами, причем господина назначает император, а слуг – народ[329]. С точки зрения фактов это неоспоримо, но ложно с теоретической точки зрения. Каждый шаг бонапартизма был теоретически оправдан, даже когда он шлепал по лужам крови своих граждан. Лечебная ванна плебисцита исцеляла все недуги, легитимировала любое беззаконие. Наполеон III, когда ему торжественно доложили о его победе на выборах, самолично признался, что незадолго до переворота нарушил закон. Но только ради того, чтобы укрепить существующие права: “Je ne suis sorti de la legalite que pour rentrer dans le droit”. Его оправдывали семь миллионов голосов[330]. Непрерывное, повторенное трижды и усиленное бесконечными демонстрациями солидарности подтверждение легитимности власти стало удобным поводом для республиканцев перейти от оппозиции на сторону монархии. В конце концов, разве плебисцитарный цезаризм выстроился не на том же фундаменте, что и долгожданная республика? Эмиль Оливье разделил правительственные типы на две большие категории: управление как самоцель и управление как представительство нации, правитель в этом случае не более чем «делегат нации, обеспечивающий ее социальные права»[331]. В этом случае его республиканская совесть остается чистой, а переход к цезаризму может считаться научно и законодательно оправданным.

В истории современных демократических и революционных партий и профсоюзов можно найти отражение описанных выше явлений. Причины очевидны. Среди демократических масс шансы бонапартизма на победу довольно высоки, так как он дарит им иллюзию власти над властью. Бонапартизм представляет эту иллюзию в лучшем свете, использует для этого процедуру передачи мандатов, в которой задействованы широкие народные массы, реализующие через нее свои «права». Передача мандатов и связанная с ней

самоотреченность народа необходимы для утверждения одиозной и легитимной монархии, установленной по волеизъявлению народа, без участия метафизической Божьей помощи. Избранный лидер, таким образом, оказывается на своем посту благодаря свободной народной воле, почти самовластием масс – они его и создали. Это осознание льстит каждому из них. «Он не стал бы тем, что он есть, без моей помощи». «Это я его избрал». «Он мне обязан».

Есть и другие психоисторические причины, почему демократия так хорошо уживается с тиранией: массы легче переносят гнет власти, если каждый индивид из массы способен приблизиться к ней или даже вступить в ее ряды. Во Франции в середине XIX века демократически настроенные буржуа и крестьяне ненавидели королевскую власть, но охотно проголосовали за Наполеона III, помня о том, как легко их отцам доставались высокие чины во времена правления его дяди [332]. То же происходит и внутри партий: олигархия не кажется опасной, так как каждый может стать частью ее системы.

Избранный руководитель благодаря демократической процедуре выборов имеет право считать себя изъявителем всеобщей воли и потому может требовать повиновения и подчинения как прирожденный аристократический правитель. Как пишут социал-демократические газеты: «Правление партии – это власть, самостоятельно назначенная партийными массами, и оно воплощает в себе власть всей партии. Уважение к нему – основная заповедь демократии»[333]. Полное подчинение масс своим руководителям является следствием демократических отношений между ними. Это коллективное подчинение коллективной воле[334].

Лидеры сами ссылаются на волю масс, то есть на свою избранность, если слышат в свой адрес упреки в антидемократическом поведении. Они говорят: пока массы избирают и переизбирают нас, мы по праву представляем волю масс и представляем их[335]. В условиях прежней аристократии тот же принцип гласил: никто не может перечить приказам монарха, так как он согрешит против воли Бога. В современной демократии никто не может перечить законам олигархии, так как тогда он согрешил бы против собственной воли, добровольно переданной им своему руководству. Не подлежит сомнению, что в партийной истории демократическая система превратилась в право массы самостоятельно избирать руководство, которому она обязана беспрекословно подчиняться.

Образ мыслей, который формируется внутри партии и профсоюзов в подобных обстоятельствах, всегда один и тот же. Руководство требует от массы не только подчинения, но и беспрекословного выполнения приказов и распоряжений. Партийные лидеры совершенно не понимают, как можно критиковать решения высшего руководства, так как в глубине души уверены, что возвышаются над любой критикой, а значит, и над самой партией. Энгельс, который точно разбирался в идеях демократии, ставил в упрек лидерам немецкой социал-демократии, что они не хотят смириться с тем, что должность и звание не дают им права на особое отношение со стороны других [336].

Однако лидеры особенно возмущаются, когда их подчиненные поступают вопреки их призывам и предложениям. В своих рассказах о разногласиях между руководством и теми, кто морально от него зависит, лидеры не могут удержаться от праведного возмущения

перед подобным неповиновением[337]. Массы обвинят в нарушении правил приличия и такта, если они «с ногами полезут в совет избранных ими руководителей».

На знаменитой конференции профсоюзных комитетов 19–23 февраля 1906 года председатель профсоюза Пауль Мюллер высказал жалобу, что его радикально настроенные товарищи по социал-демократической партии пытались «отдалить членов профсоюза от их самовольно избранных руководителей. Была предпринята попытка настроить их против своего начальства. Раздавались призывы к нарушению дисциплины. Как еще это можно воспринять, когда на собраниях речь идет о том, что члены профсоюза должны обрушиться на своих руководителей» [338].

Каждое новое оппозиционное движение внутри партии всегда пытаются обвинить в демагогии. Недовольные политикой руководства обращаются к массам напрямую, даже если протест возникает из самых благородных побуждений, его сторонников обвиняют в неподобающем поведении, вмешательстве или попытке подорвать партийные порядки, пропаганде и подстрекательстве (см. ч. II, гл. 6). При этом необходимо отметить, что руководитель, располагающий средствами принуждения и властью, обладает и преимуществом постоянно выступать на стороне закона, в то время как действия протестующих или младшего руководства всегда оказываются противозаконными. Заклинание, которое партийное руководство читает против тех, кто доставляет им неудобства, звучит так: «Общие интересы». С особой страстью используются и милитаристские аргументы. Принято полагать, что подчиненные из тактических соображений, чтобы сохранить необходимую сплоченность перед лицом врага, ни при каких условиях не должны потерять доверие к руководству. Лидеры профсоюзов, в рядах которых дух авторитаризма распространен сильнее, чем в партии, любят приписывать своим противникам внутри рабочего движения «преступный умысел» – стремление своими нападениями «развалить профсоюзный порядок»[339]. Если перевести это с языка профсоюзных функционеров на язык правительственных функционеров, получится: подстрекательство к бунту против власти. Если критики не занимают никаких постов в партии, но занимаются частной практикой или просто благосклонны к партии, то для атакованного руководства они внешние интервенты, посторонние лица, которым отказано в способности выносить самостоятельные суждения. «Необходимо оставить религию народу! – это закон, в соответствии с которым любая критика по поводу объективных недостатков партийного движения воспринимается как открытое нападение, оппозиционеры привязаны к позорному столбу и заклеены предателями и врагами партии»[340].

Поведение лидеров демократических партий и типичная для их выступлений риторика наглядно демонстрируют, как власть переходит от воли народа к праву, основанному на Божьей благодати, к системе, которая в истории Франции известна как бонапартизм. Право на суверенитет, возникшее в результате свободного голосования, вскоре превращается в постоянное и нерушимое господство.